

РЕАЛИТИ-РОМАН

Valérie Domain

Une soirée
chez les pipoles

roman

Валери Домен

КРУТАЯ
ТУСОВКА

УДК 82.06
ББК 84 (4Фр)
Д66

Valérie Domain. Une soirée chez les pipoles
Ouvrage publié avec l'aide du Ministère français chargé
de la Culture — Centre national du livre

Издание осуществлено
с помощью Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)

Домен, Валери

Д66 Крутая тусовка: Роман / Пер. с фр. В. В. Егорова. — М.: Этерна, 2012. — 400 с. — (Реалити-роман).

ISBN 978-5-480-00274-4

Директор самого крупного европейского телеканала Филипп Серра любил собирать в частном салоне своей империи знаменитых людей, стоявших в первых рядах на сцене, телеэкране, страницах газет и журналов. И этот вечер обещал быть удивительно приятным, но... Наши знаменитости мечтали на него попасть, а теперь...

УДК 82.06
ББК 84 (4Фр)

ISBN 978-5-480-00274-4

(Россия)

ISBN 978-2-213-63061-8

(Франция)

© Librairie Arthème Fayard, 2007

© В. В. Егоров, перевод,
2012

© Палимпсест, 2012

© Издательство «Этерна»,
оформление, 2012

Упомянутые в данном романе персонажи и утреждения, равно как и их имена и названия, внешность и характеры, являются вымышленными, и их сходство с существующими реальными утреждениями или с любой реальной личностью, живущей ныне или уже умершей, случайно, и к этому автор не стремился. Некоторые личности, без упоминания которых в мире средств массовой информации обойтись не представлялось возможным, вполне реальны, их должности приведены с точностью, но приписываемые им в романе поступки и высказывания — плод воображения автора и не имеют никакого отношения к реальным поступкам или событиям.

Накануне *ветеринки*

24 часа

из жизни **ЗНАМЕНИТОСТЕЙ**

*«Звезда — это тот, кто много работает,
чтобы стать известным,
и затем надевает темные очки,
чтобы его не узнавали».*

ФРЕД АЛЛЕН

ВИКТОРИЯ САН ГИЛЬЕРМО,

жена футболиста

Черные очки закрывали почти все ее лицо. Выходя из отеля «Риц», она опустила голову вниз, словно осознавая свою вину перед ордой фоторепортеров, дежуривших перед парадной дверью. Потом, за несколько секунд до того, как сесть в свою шикарную машину, она выпрямила спину, оказавшись в фокусе вспышек фотоаппаратов: «Вики... посмотрите сюда!.. Вики... пожалуйста!»

Незнакомые голоса требовали, чтобы она хотя бы ненадолго показалась такой, какая она есть, чтобы она повернулась или соизволила всего на несколько секунд снять темные очки от Гуччи.

В то утро Виктория надела черное довольно короткое платье, закрывавшее плечи. Талия была перехвачена шелковым пояском гранатового цвета, застегнутым серебряной брошью. На ней были туфли в цвет пояса с каблуками в десять сантиметров. Другим украшением были посеребренные серьги. С уложенными волосами и в макияже, она была похожа на женщину, направляющуюся на ужин в один из лучших парижских ресторанов, но время было

половина одиннадцатого утра, а ее водитель получил распоряжение отвезти ее в самые шикарные дома моды французской столицы. Сидя на кожаном сиденье в БМВ, ее уже ждали пресс-атташе и секретарша. На самом деле они томились там уже больше часа, и когда она наконец появилась, вздохнули с облегчением и одновременно с раздражением. Виктория даже не взглянула на тех, кто налегал на двоих ее телохранителей, защищавших ее от множества назойливых репортеров. Звезда не была расположена уступать мольбам папарацци, которые вот уже несколько недель подряд делали ее жизнь просто невыносимой. Она не могла сделать ни шага без того, чтобы не обнаружить их присутствие рядом. В разговоре с близкими людьми она называла их «кучкой вшей».

Шофер открыл перед ней дверцу, и она уселась в машину, тщательно следя за своими движениями, продемонстрировав публике поочередно ноги, покрытые искусственным загаром. Оказавшись наконец в безопасности в пассажирском салоне автомобиля, Вики повернула голову и очутилась нос к носу с одним из зевак, который прилип лицом к стеклу машины. Ей захотелось показать ему язык, но она давно уже научилась управлять своими поступками. *«Надо постоянно контролировать себя, дорогая»*, — с маниакальной настойчивостью повторял ей муж.

Поначалу постоянная забота о поступках и жестах, о способе выражения чувств очень ее развлекала, и она играла эту роль. Но с годами ее притворное и продуманное поведение превратилось в механическое, перестав доставлять удовольствие. Виктория приурочилась к жизни в оболочке, навязанной ей окружением, которое все обдумывало и делало за

нее. Той честолюбивой молодой женщины, того непокорного ничтожества, которым она была шесть лет тому назад, больше не было. Время от времени ей случалось наткнуться на какую-нибудь статью относительно ее былой славы, но она читала ее, словно бы речь шла о ком-то другом. Иногда она также слышала кое-какие свои песни, но теперь даже не могла вспомнить ни названий их, ни обстоятельств, в которых они были записаны. И уж тем более — с кем. Это было полным затмением, она вела исключительно жизнь жены футболиста, перемещаясь между Лондоном, Парижем, Мадридом и Миланом.

Естественно, муж был не просто футболистом, а одним из лучших на планете: Жюстен Сан Гильермо. В его жилах текла испанская и английская кровь, у него были талантливые ноги и гениальные ступни. Он сумел превратить свое спортивное мастерство в многонациональное предприятие. Стал рекордсменом по уровню доходов, в контрактах на рекламу, которые он подписывал, количество нулей постоянно увеличивалось. Все фирмы хотели иметь с ним дело для того, чтобы обеспечить продажу спортивной обуви, шоколадных плиток, сотовых телефонов или роскошных машин. Вот уже несколько лет Виктория помогала его рекламной кампании, используя историю супружеской жизни. Поэтому они вели свои дела успешно как по одному, так и в тандеме. Это была прекрасная коммерческая пара.

Сегодня задачей Вики было в основном оттенять его имидж для того, чтобы увеличить число его контрактов с известными рекламодателями. Для этого она всячески демонстрировала их любовь, давая возможность сфотографировать их на отдыхе, заботясь о том, чтобы на них были обращены взгляды

людей, возбуждая всеобщее любопытство. Она преодолевала большие расстояния в походах по модным магазинам, встречалась с самыми популярными артистами — как, например, международная дива Клара Ленсон, — блистала на светских раутах. Короче говоря, она много и упорно трудилась в семейном бизнесе. Обратной стороной медали стало полное разочарование в том, что обычно входит в сферу удовольствий. В самые прекрасные моменты своего замужества она обожала тратить деньги с золотой карты своего кудесника мяча. Теперь даже такого простого жеста, как протянуть кредитную карточку какой-нибудь услужливой продавщице, она не делала: этим занималась ее секретарь. Теперь она не чувствовала больше никакой дрожи, прикасаясь к материалу или примеряя самые модные модели одежды.

Покидая свои роскошные апартаменты, перед тем как спуститься к машине, где ее ждали ее служащие, она констатировала, что ведет себя как автомат. Прекрасный образчик, но все равно робот, машина. Боф, ну и наплевать! Разве эта пустая суета, эти горы денег не являются самым прекрасным образом жизни? Ей постоянно об этом твердят. Ею восхищаются, на нее смотрят, ее стараются понять, ее съедают взглядами. Кому бы не захотелось оказаться на ее месте? Впрочем, об этом не может быть и речи: она не намерена уступать его никакой другой женщине.

Перед ее глазами проплывали исторические памятники Парижа, а она вдруг опять вспомнила об Эмме, своей бывшей ассистентке. О той памятной вечеринке, где она в красном облегающем платье с разрезом до середины правого бедра, с высоким строгим шиньоном, усыпанным жемчугами, спусти-

лась по широкой лестнице своего дома в Италии, проводя ладонью с маникюром по кожаным перилам. Она улыбалась, глядя на Эмму, тогдашнюю свою секретаршу, одетую в простенький розовый костюм с полным отсутствием стиля. Виктория выглядела несравненно лучше ее. Именно поэтому ей очень трудно было смириться с мыслью о том, что Жюстен занимался любовью с секретаршей в перерывах между тренировками.

Она узнала об этом чисто случайно, услышав один разговор в ходе вечеринки, посвященной окончанию чемпионата. Два игрока клуба «Милан», где играл ее муж, хохотали, обсуждая то, как Жюстен овладел в углу раздевалки молодой худенькой секретаршей. Сидя за столиком позади кухни частного клуба, принадлежавшего руководству, они потягивали свое пиво и смачно шутили, не подозревая о том, что Вики незаметно стояла неподалеку. Она пришла туда за стаканом воды, чтобы запить таблетку аспирина и тем самым унять мигрень, сверлившую в ее висках. Вместо этого она почувствовала, что боль только усилилась, стала острой. От этого шока она даже закрыла глаза. Боль усилилась от этого известия, но не только от него. От этих грубых слов, полностью лишенных сочувствия, у нее появилось чувство тошноты. Она очень хорошо знала сидевших там мужчин. Она приглашала их за свой стол, они иногда подшучивали над ее умением очаровывать мужчин. Она еще помнила, как они сказали Жюстену: «Тебе очень повезло, что у тебя есть Вики. Все при ней: красота, элегантность, чувство юмора». Они не произнесли слов «блестящая» или «умная», но она-то прекрасно знала, что такие определения вовсе не относились к такой женщине, как она: поверхностной и легкомысленной.

Покинув кухню, она направилась сразу же в раздевалку, забрала свою сумочку от Шанель и норковое манто, подаренное ей Жюстеном на тридцатилетие. Пошатываясь от боли, она вышла на воздух и стала ждать свою машину. Ее шофер помог ей сесть в автомобиль, пока она с трудом объясняла ему необходимость срочного возвращения домой для лечения мигрени. Она говорила как в бреду и теперь не могла вспомнить, что именно она приняла от головной боли. Зато в памяти ее прекрасно сохранились те первые мгновения пробуждения, когда все то, о чем вам хотелось бы забыть, вспоминается с безжалостной точностью. Она поискала глазами Жюстена, но он уже отправился на пробежку.

Было уже начало двенадцатого, и она умирала с голоду. Именно это и показалось ей самым удивительным: она, с ее аппетитом птички, послушная пыткам моды, могла бы съесть все, что было в холодильнике. В длинной шелковой ночной рубашке, не потрудившись даже набросить на себя пеньюар, она спустилась вниз и присела за стол с накрытым завтраком. На нем уже стоял фруктовый сок и легкий йогурт на фарфоровой тарелочке. Она развернула салфетку и стала ждать: управительница дома должна была явиться за распоряжениями.

Вики никогда не оставалась в одиночестве в этом огромном доме. У нее был в распоряжении весь необходимый ей персонал: от кастелянши до кухарки, от белошвейки до шофера, не забывая о двух садовниках и, естественно, о горничных, получавших указания от управительницы, настоящей хозяйки дома. Та, одетая в строгое белое с серым платье, с серьезным лицом, улыбаясь так широко, как требовалось, приблизилась, издавая скорее скользящие звуки подошв о пол, чем шаги нормального человека:

— Как вы себя чувствуете сегодня утром, мадам? Мне сказали, что у вас был приступ мигрени; не желаете ли принять за завтраком таблетку аспирина?

— Нет, спасибо, Кассандра. Лучше приготовьте мне сэндвич с этим ужасным арахисовым маслом, которым объедается Жюстен, да еще тосты с апельсиновым конфитюром. А также омлет с травами и беконом. И принесите полный кофейник крепкого кофе. С сахаром и горячим молоком.

Домоправительница озадаченно посмотрела на Вики, будучи в полной уверенности в том, что хозяйка должна была рассмеяться над этой неудачной шуткой. Та за целый день потребляла не более 1500 калорий, а теперь за одним только утренним приемом пищи намеревалась употребить калорий в два раза больше дневной нормы!

— Это все, Кассандра, спасибо, — повторила Вики, принимаясь за йогурт.

Остальной день прошел как обычно, разве что желудок Виктории был забит до отказа. Однако от этой мягкой теплоты ей было не по себе. Она страдала анорексией-булимией в те времена, когда начинала петь, и вскоре поняла, что это лишало ее сил. Поскольку ее стремление стать богатой и знаменитой требовало огромной траты энергии, она легла в больницу, чтобы вылечиться за счет студии звукозаписи. Болезнь оказалась не столь запущенной, ей удалось вылечиться от нее без излишних страданий. С тех пор она решила тщательно следить за своим питанием с помощью врача-диетолога. От него она потребовала установить ей такой драконовский режим питания, что она должна была в любом случае носить одежду 36-го размера.

Тем утром она справилась с желанием очистить желудок, вызвав рвоту, это не входило в ее привыч-

ки. Она поехала к Гуччи, опустошила его бутик, даже не удосужившись примерить на себя все эти наряды. А затем отправилась пообедать с одной из своих знакомых, которой она, естественно, ничего не сказала про то, что ее угнетало.

С самого начала своей связи со звездой мирового футбола, имевшей место шесть лет тому назад, она научилась никогда и ни с кем не делиться своими тайнами. Она знала, что их надо хранить, поскольку все ими слишком активно интересовались. Все, что она могла рассказать о своей семейной жизни, ценилось на вес золота и незамедлительно опубликовывалось в газетах по всему миру, и это чаще всего вынуждало ее притворяться забывчивой или глупой. Однако при всем этом она делала исключение для Мэнди, которая внимательно ее выслушивала и утешала еще со школьных времен. Девочки познакомились в колледже. Они вместе предавались мечтаниям, составляли планы стать богаче самого Креза, известнее самих битлов. Они вдвоем выкурили по первой сигарете, у них даже был один первый ухажер. Разлучить их не мог никто и ничто, ни мальчики, ни жизненные перипетии, ни страны.

Мэнди жила в Лондоне, ее мать была француженкой, а отец — англичанином. Ее взгляды на жизнь с годами изменились, сегодня она больше всего на свете любила свою семью и свой домик в пригороде Лондона. Честолюбие Вики намного превосходило скромные желания Мэнди, но ни ту, ни другую это вовсе не смущало: хотя они и пошли по жизни разными путями, это их не отдалило друг от друга. И если Мэнди иногда хотелось бы иметь гардеробную комнату размерами с целую квартиру, Вики, наоборот, частенько хотелось надеть на себя

кухонный фартук подружки, чтобы приготовить биологически чистые блюда, от которых ее племя сходило с ума. Их дружба была сокровищем, из тех, что стареет с годами. Это было небывалой удачей: скольких подруг они уже потеряли за эти годы? Сколько явно хороших отношений успели испортиться и закончиться окончательным разрывом?

Если не принимать необходимых мер, то самая крепкая дружба вскоре ослабнет, а имена станут всего лишь смутными воспоминаниями, удивлением при перелистывании страниц старой записной книжки с адресами. Но именно этого не могло случиться в отношениях между Вики и Мэнди. Не проходило и недели без того, чтобы они не поговорили, не было месяца, чтобы они не встретились где-нибудь. Именно ей Вики позвонила со своего мобильного телефона, чтобы рассказать о своем довольно грустном обеде. У нее появлялось желание поговорить с ней всякий раз, когда на нее нападало это все более навязчивое чувство того, что жизнь ее почти что лишена всякого смысла.

— Ну, наконец-то, Мэнди! — вздохнула Вики, услышав, что подруга взяла трубку. — Я едва не умерла от скуки во время этого обеда, и теперь мне хотелось бы, чтобы ты поговорила со мной по-человечески!

На другом конце провода послышался смех Мэнди, и Виктория представила себе подругу стоявшей у кухонного стола в ее миленьком домике в чисто британском стиле. Мэнди всегда была весела и забавна. Она желала от жизни всего лишь крепкого здоровья и путеводной звезды над головой, которая помогла бы ей быть счастливой. В это она верила намного сильнее, чем Вики, и с удовольствием благодарила Господа, когда какая-нибудь проблема

находила удовлетворительное решение. Маленький золотой крестик на шее подтверждал ее принадлежность к общности людей, которых она, Виктория, сторонилась, как чумы. Но опять-таки, эти различия во взглядах и в вероисповедании не смогли развести в разные стороны этих задушевных подруг.

— Вот как! А ведь я эту песню уже слышала... — воскликнула Мэнди.

Виктория улыбнулась. Ей уже стало лучше. Мэнди надо было бы стать целительницей или еще кем-нибудь в этом роде.

— Не подкалывай, красавица моя, ты не знаешь, как трудно поддерживать разговор ни о чем!

— Знаешь, у меня есть рецепт для того, чтобы ты не так сильно скучала, — ответила Мэнди. — А ты не подумала съесть что-нибудь? Взять вилку, подцепить кусочек приготовленной на пару рыбы, что лежит перед тобой в тарелке, положить его в рот, пожевать и проглотить? Гарантирую, что, когда ты ешь, можешь полностью сконцентрироваться на ощущениях, вкусе и забыть о зануде, что сидит напротив. Ну, что ты на это скажешь?

— Ты прекрасно знаешь, что этого сделать я не могу! Стоит только увеличить вес на один лишь грамм, как это обнаруживается, анализируется прессой. Лишние килограммы скрыть невозможно: меня снимают так часто, что я даже не понимаю, что уже наступила ночь! И потом, ты не знаешь, что я сделала сегодня утром: я съела завтрак людоеда, чего со мной не случилось вот уже много месяцев, а возможно, и лет! Я произвела налет на все запрещенные мне продукты, чем едва не вызвала сердечный приступ у моей домоправительницы. И теперь у меня такое чувство, что я проглотила футбольный мяч.

Что ж, это определенно доставит удовольствие Жюстену, но я бы предпочла, чтобы у меня в желудке не было холодильника со всем его содержимым!

— В чем причина этой оргии, Вики? Нелады с мужем?

Тон Мэнди изменился, в ее голосе зазвучало легкое беспокойство.

— Я вчера вечером подслушала один разговор, — слабым голосом ответила Виктория. — Игроки во всех подробностях обсуждали, как Жюстен изменил мне с моей секретаршей. Миленький получился вечер...

— С какой секретаршей? С Эммой?

— Да, и это мне особенно неприятно! Поверить не могу: мы круглые сутки находимся под объективами фотоаппаратов, а он находит возможность развлекаться с девками... Это меня убивает! Я прекрасно знаю, что она у него не первая, я не дура, но меня всякий раз больше всего удивляет то, что он делает это так, что его товарищи это видят и знают, что он не думает о том, что эта история может появиться в таблоидах. Знаешь что, Мэнди? Это сильнее его: всякий раз, как он покидает стадион, его член выскакивает из трусов! Я ведь не могу присутствовать на всех матчах для того, чтобы помешать этому человеку бросаться на все, что шевелится, правда?

— Правда, — ответила Мэнди, несколько ошеломленная этим внезапным откровением. — Но ты никогда не говорила мне о том, что подозреваешь Жюстена в неверности, да?

— Да. Я не хотела тебе об этом говорить, потому что отказывалась в это верить. Если бы я об этом заговорила, это означало бы, что я верю слухам. А я к этому не была готова. Но вчера вечером я услыша-

ла об этом, и могу тебя уверить, что это не было шуткой: я незаметно вошла в комнату.

— И ты уверена, что были и другие измены, что это — не единственная случайность, которую он мог бы тебе объяснить? — спросила Мэнди.

— Я вынуждена признать реальность: я слишком долго на все закрывала глаза. Для жен других футболистов это никакое не табу, они даже обсуждают похождения своих мужей между собой во время этих миланских послеобеденных встреч. Они поглощают печенье и литрами пьют содовую, обсуждая альковные похождения своих мужей!

— Но ты на эти встречи не ходишь?

— Была один раз, мне все это очень не понравилось. На меня словно обрушился потолок! Я убежала оттуда, сославшись на то, что меня ждет парикмахер, чтобы подкрасить волосы.

— И потом ты обо всем этом забыла?

— Ну да. Выбросила из памяти. До вчерашнего вечера. И теперь я не просто чувствую себя обманутой, но меня от этого тошнит.

— О нет! Ты ведь до этого не дойдешь!

— Конечно, вместо того, чтобы освободить желудок от тартинок с арахисовым маслом и омлета, я лучше вышвырну вон свою секретаршу!

— Правильно, Вики! Ты могла бы еще врезать мужу ногой по одному месту...

— Я не стану трогать Жюстена, Мэнди. Просто сделаю его пассивным наблюдателем моей мести.

— Полагаешь, это может послужить ему уроком, да?

— Нет. Но надеюсь, что это заставит его в будущем быть осторожнее. Знаешь, я не очень ревнива, но ненавижу, когда меня принимают за идиотку. Ведь если об его похождениях станет известно

людям, это не только сорвет наши финансовые контракты. Я стану королевой обманутых жен, а этого я вынести не смогу!

— А если девица обо всем проболтается? — воскликнула Мэнди.

— Ты права, определенный риск есть. Но что я, по-твоему, должна сделать: смириться с этим? Предпочитаю, чтобы во всем была ясность, нежели таскать за собой эту мерзавку, да еще и платить ей деньги! Ладно, Мэнди, я не сержусь, но меня ждет водитель, я должна ехать. Я просто хотела освободиться от этого груза, зная, что ты всегда можешь меня успокоить...

— Вики, у меня такое чувство, что ты заводишь-ся. Успокойся и не злись. Позвони мне, когда за-ткнешь рот своей секретарше, хорошо?

— Обязательно. Спасибо, я тебя обожаю!

Виктория прервала связь и спрятала мобильный телефон в свою черную сумочку от Диора. Потом она вышла из тихого холла ресторана и юркнула в машину, оставив позади рой фотографов.

Заехав домой, чтобы привести себя в порядок и переодеться — она не могла весь день носить одну одежду, — она отправилась пить чай с женой самого кассового актера Соединенных Штатов, которая была в Италии проездом. С ней она систематически обсуждала голливудские сплетни. Как всегда, ее сопровождал эскорт папарацци, и, как всегда, она не обращала на них внимания из-под своих темных очков. Во время беседы в ее голове созрел план сладостной мести. Ей хотелось отплатить своей помощнице за измену с мужем как можно более зрелищным образом. Но, с другой стороны, она предпочла бы умереть, чем прочесть о своем несчастье в газетах. Виктория решила убрать

Эмму из своей жизни. Но прежде ей хотелось уни-
зить ее.

В тот вечер она должна была сопровождать
Жюстена на торжественный прием в Миланской
опере. Она была великолепна. Несколько раз позво-
нила Эмме по телефону, решив проблемы с расписа-
нием на день. Ничто в ее голосе не выдавало злости.
Принарядившись, она спустилась вниз по широкой
лестнице с улыбкой на губах. Жюстен стоял внизу,
чувствуя себя неловко в парадном костюме. Он
читал пригласительный билет. Это было довольно
необычно, поскольку он никогда не читал бумаги,
предпочитая перепоручить это прислуге. Эмма
стояла неподалеку от него, на лице ее горел легкий
румянец. Погладил ли Жюстен ее по заду или прямо
запустил руку под юбку?

Когда Вики спустилась по лестнице, она выдер-
жала взгляд своей ассистентки и услышала из-за ее
спины вопрос Жюстена:

— Ну что, ты готова?

— Почти. Перед уходом мне надо решить один
вопрос, — ответила она, сохраняя самообладание.

Потом она приблизилась к Эмме, приветливо
улыбнулась ей и плюнула в лицо. От неожиданности
Эмма отпрыгнула назад и ударилась спиной о
мраморный выступ. Рукавом костюма она неловко
вытирала щеку, а другой рукой потирала ушиблен-
ное место.

— Вы уволены! Надеюсь, у вас не хватит нагло-
сти спрашивать у меня причины увольнения, а я не
стану опускаться до объяснений, — холодно броси-
ла Виктория, направляясь к выходу.

Жюстен был потрясен. От резкости поступка, его
неожиданности у него перехватило дыхание. Глядя,
как по пунцовому лицу притихшей Эммы полились

слезы, он услышал голос жены, которая твердо, но примирительно позвала его:

— Ты идешь, Жюстен? *Все под контролем, дорогой.* Не стоит опаздывать.

Шофер распахнул перед ней заднюю дверцу одной из машин из коллекции футболиста. Автомобиль стоял перед крыльцом из тесаного камня. Холодная и высокомерная, Виктория села в черный «роллс-ройс» и даже не обернулась. С Жюстеном все было ясно. Он оставил Эмму в холле под присмотром Кассандры, которая сделает все необходимое, чтобы ту успокоить. Сев рядом с Вики, он опустил голову, как провинившийся мальчишка. И почувствовал на бедре руку жены. Длинную тонкую ладонь, наполненную красной кровью. Когда она нанесла последний удар, он вздрогнул: «Жюстен, если ты снова начнешь совать свою битву в разные непотребные места, я тебе ее отрежу: понятно?»

* * *

Глядя на другой берег Сены, Виктория почувствовала желание уйти в воспоминания того Парижа, который был ей хорошо знаком. Это напомнило ей о детстве. Хотя Франция казалась ей сегодня довольно далекой страной. Она теперь уже не знала, в какой именно стране она родилась. Карьера певицы привела ее в Соединенные Штаты, где она организовала трио девушек под названием «Троица». С первой же песни они произвели сенсацию, собрали все возможные призы и сорвали джекпот. Они умудрились пробыть на вершине славы целых пять лет. Это было невероятно для юной француженки,

которая однажды утром прибыла на другой берег Атлантики, имея в кармане только номер телефона одного американского продюсера, с которым случайно встретилась в каком-то парижском баре.

В зеркале заднего вида она заметила несколько папарацци, следовавших на мотоциклах за ее машиной на разумном расстоянии. На лице ее появилась гримаса раздражения: неужели это никогда не закончится? Она относилась к этому не как те актрисы, что любят откровенничать в скандальных газетах, она не отказывалась в них появиться, когда ее специально просили сняться на обложки журналов высокого класса: «*Вейнити*», «*Пипл*», «*Стар Сити*». Но в последнее время она устала от этих бесконечных щелканий фотоаппаратов.

Ее заботило поведение Жюстена, ставшего с возрастающей настойчивостью требовать родить ему ребенка. Хотя ей уже вскоре должен был исполниться 31 год, она не чувствовала себя готовой к материнству. В то же самое время она начала задумываться над тем, чем могла закончиться жизнь, в которой она занималась только собой. Конечно, она заботилась о своих родных. Но у них была своя жизнь. Что же касается Жюстена, то он был настолько занят в клубе, что у нее иногда складывалось впечатление, что она ему не очень-то и нужна. Когда она выгнала свою секретаршу, то заметила, насколько ее тревоги были неоправданны: Жюстен сделал все, чтобы заслужить прощение, хотя она решила его за это вовсе не наказывать. Вспышка гнева в холле накануне того приема показалась ей вполне достаточной для того, чтобы показать мужу, с кем он имел дело, если он это забыл.

Действительно, Жюстен явно не мог жить без нее. И это наполняло Вики невероятной силой,

а также очень завораживало ее. Потому что после случая с Эммой она поняла, что ее великая звезда круглого мяча имел привычку после игры заниматься любовью и что ее ассистентка бы не первой, с кем он забавлялся на четвереньках в глубине раздевалки. Вики знала также, что Жюстен не сможет долгое время хранить ей верность.

Мир футбола — это закрытый мирок игроков. Она слышала рассказы об играх чемпионата мира, когда девушки по вызову появлялись в комнатах до отбоя. Игроки называют это сбросом адреналина. Присутствие жен не приветствуется, поскольку известно, что они стараются отвлечь мужей от стоящей перед ними задачи: победить. Зато желанным считается присутствие бесстыдных девиц. Они развлекают королей мяча, а это — не одно и то же. Вики слышала даже, что у игроков есть свои предпочтения в зависимости от страны, где они играют. И ее муж не является исключением. В компании он был не последним пьяницей и бабником. И не надо было себя обманывать. Но в этих условиях нужен ли ей ребенок? Что на это сказала бы Мэнди, эта образцовая мать четверых детишек, несравненная домохозяйка, любящая жена внимательного мужа?

Она не успела отправить подруге послание с просьбой перезвонить ей, потому что машина остановилась.

— Руководительница службы особо важных гостей фирмы «Шанель» ждет вас, мадам, — сказала пресс-атташе.

Виктория достала пудреницу от Герлена и проверила в очаровательном позолоченном зеркальце, все ли было в порядке с макияжем.

— Вы великолепны, мадам, — заверила ее помощница.

Ее звали Люси. Она была французенкой и очень полезной секретаршей. Вики взяла ее на службу за безупречное поведение, она была не из тех, кто мог рисковать своей работой ради мимолетной интрижки. Ей нравилась ее любезность без всякого заискивания и разумные высказывания, исключавшие пустую болтовню.

— Спасибо, Люси. Я выхожу.

Люси дважды постучала в стекло, и водитель широко распахнул дверцу. Не успела Виктория выйти из машины, как услышала потрескивание фотовспышек. Она опустила голову, надела на припудренный нос свои темные очки и быстро вошла в бутик. Ее пресс-атташе Жоан и ее секретарша последовали за ней, а в это время две мускулистые руки следили за тем, чтобы ни один фотограф не проник в здание.

Под позолоченной потолочной лепниной особняка ее встретили с почтением, но она не проронила ни слова. Вики давно привыкла к примеркам для VIP-клиентов. Ей предоставили советника, салон, огромную кабину для примерки, где она была одна. Иногда ей удавалось заполучить для примерок стилиста или даже знаменитого кутюрье. После свадьбы, принесшей ей неслыханную известность, равно как и счет в надежном банке, она прошла по всем домам Высокой моды и собрала дома в шкафах коллекции одежды, достойные самых престижных аукционов. Она разрешила обслуживать себя целых полтора часа, покупала вещи скорее по наитию, нежели в результате примерки. Ее обмерили, наговорили комплиментов, предложили кофе. Но она не произнесла и трех слов в одном предложении. Когда один из продавцов бутика решил перейти к другой теме и спросил о желаемой длине юбки и о том, не

предпочтет ли она цвет чайной розы красному цвету фуксии, ее секретарша вмешалась в разговор и ответила вместо нее: «Мадам Сан Гильермо на вопросы не отвечает».

Сделав покупки, которые пришлось уложить в двенадцать огромных сумок со знаменитой буквой «С», Виктория в ответ на прощания и благодарности ограничилась кивком головы. Достаточно высокомерным, чтобы дать понять, что она — настоящая звезда.

Время уже почти приблизилось к 13 часам, а у нее был запланирован обед с Порсией, одной из бывших коллег по группе «Троица». Они не виделись почти четыре года. Порсия была беременна от одного очень модного американского художественного фотографа. Тот, правда, был несколько болтлив и к тому же на пятнадцать лет старше ее. Виктория не сразу приняла ее приглашение в шикарный ресторан «Крийон». Стоило ли встречаться с подругой тех времен, коль скоро она сама вычеркнула те воспоминания из своей памяти? Стоило ли снова становиться той юной и бедной девушкой из Плен-Сен-Дени, которой она была десять лет тому назад? И следовало ли ей дать снять себя в компании Порсии, которая после завершения их музыкальной эпопеи растеряла все, что дало ей пение? Однако в течение последнего времени Вики испытывала приступы ностальгии, выведившей ее из душевного равновесия. И потом, возможно, что ей будет не столь уж неприятно снова увидеться с Порсией. Она даже ждала приятного удивления, поскольку с ней они пережили каторгу, осмеяние и громадный успех. Все это было вперемежку, а это, несомненно, сближает.

Машина двинулась в сторону «Крийона». Вики снова ушла в свои мысли, глядя, как за стеклом про-

плывает Париж. Сидя напротив, на сиденье из белой кожи, ее пресс-атташе жестко говорила по телефону с журналистом из «Харперс Базар» по поводу отбора последних гламурных фотографий Виктории и Жюстена. Рядом с ней Люси записывала последние изменения в календаре, которые диктовала ей по телефону руководительница по связям с общественностью Жюстена. Стоял приятный шум, к которому Вики уже давно привыкла. Ее мобильный телефон тоже позвонил, но она решила не отвечать на вызовы. Очень немногие знали номер ее личного телефона, это были только родственники, но она не желала ни с кем разговаривать. Ей нечего было сказать Жюстену, его родня изводила ее вопросами о состоянии его дел, друзья могли подождать, а она никак не могла переговорить с Мэнди в присутствии своих помощниц. Поэтому-то она и отключила сигнал своего мобильника. До той поры, пока она не окажется в «Крийоне», где ее будет ждать столик в укромном уголке ресторана.

Когда машина остановилась, ей пришлось проявить всю свою сноровку, чтобы скрыться от папарацци, чьи фотоаппараты находились в нескольких сантиметрах от ее лица. Она вихрем влетела во дворец и сразу же увидела Порсию. Та была толще воздушного шара, в правой руке она держала соленый крендель с тмином.

— Порсия! Да ты похожа на гиппопотама, что с тобой приключилось? — воскликнула Вики, намереваясь обнять старую подругу.

— Если ты будешь меня оскорблять, Вик, я оставлю тебя одну с твоими сотрудниками и метрдотелями, — с обидой проворчала в ответ Порсия.

— Мне это было бы удивительно, ты ведь уже начала есть, насколько я понимаю. Уверена, что ты от пиршества отказаться не сможешь!

— О'кей, я тут решила немного перекусить. Но ведь люди не всю жизнь бывают беременными: только девять месяцев...

— Ладно, рассказывай: девочка будет или мальчик?

— Девочка. Зваться она будет Джеки, креститься в Лос-Анджелесе и будет как можно дальше находиться от двуногих существ мужского пола. А свою первую полоску кокаина сможет понюхать не раньше восемнадцати лет.

— Великолепно! Но откуда ты добыла эти революционные правила воспитания?

— Из своего детства, черт возьми! Ну, а ты-то как? Рассказывай!

— Рассказать о четырех годах жизни за время обеда — времени как раз хватит! К счастью, мне не надо рассказывать о замужестве, поскольку ты была одной из моих свидетельниц, а также не надо распространяться о первых месяцах моей жизни с Жюстеном, поскольку я тогда регулярно ездила в Калифорнию, где у нас были виллы в одном квартале на Беверли-Хиллз...

— Ты словно читаешь мне диалог из комедии положений. Я не требую от тебя резюме предыдущих эпизодов, я просто спрашиваю, что у тебя новенького!

— Уф, спасибо! Наконец-то я говорю с нормальным человеком из моего окружения. Кроме Мэнди, в радиусе шести тысяч километров от меня нет разумных людей!

— Итак, ребенка не намечается? — спросила Порсия, надкусывая слоеный пирожок с сыром.

— Посмотрим. Нет, разговоры об этом идут. Жюстен очень настаивает, я сопротивляюсь. Но учти, я не должна прочесть об этом в газетах, Пор-

сия. Иначе я заставлю тебя выложить назад все, что ты ешь!

— Ты думаешь, я играю в такие игры? Мне и без того достаточно слухов по поводу моей толстой персоны, зачем добавлять к этому еще и подруг!

— Впрочем, я не намерена говорить об этом, — оборвала ее Вики. — Расскажи-ка лучше, как ты познакомилась с Пабло.

— Ничего интересного. Просто наши взгляды встретились на одной его выставке. Он начал за мной ухаживать и заманил в постель! Теперь я пожиная плоды его работы.

— Но ты хотя бы его любишь?

— Я такие вопросы уже давно себе не задаю.

— Ладно. А ты ничуть не изменилась, меня это радует.

— Да. Но это менее интересно, чем твоя история с Жюстеном, вот и все...

— А что интересного в моей истории с Жюстеном?

Порсия вдруг перестала жевать и внимательно посмотрела на Викторю.

— Что ты на меня так смотришь? — спросила Вики. — У меня что, листок салата прилип к зубам?

— Нет, просто у тебя короткая память. И потом, для того, чтобы салат прилип к зубам, надо его съесть...

— Зачем? Ты ешь за троих!

— О'кей, сейчас я освежу тебе память. Ты на Барбадосе в отпуске идешь по покрытому мелким песком пляжу, думая о вашей встрече. Звонит твой мобильный телефон. Это он, ты говоришь ему, что тебе его не хватает. Он отвечает: «Обернись». Ты оборачиваешься, а он стоит в двух шагах позади тебя. Прекрасный, как бог, в красных плавках...

— Ну, это ты путаешь с Хассельхоффом из фильма «Спасатели Малибу».

— А разве все было не так?

— Нет, даже если ты добавишь сюда шабадабада... Ладно, прошло уже шесть лет, к счастью, у меня есть и другие воспоминания.

— Вот именно, об этих-то воспоминаниях я тебя и спрашиваю!

— Но не сейчас же сразу, Порсия! Я не хочу доставать альбом. Мне просто хочется поболтать с тобой обо всем и ни о чем.

— Хорошо. А не попробуешь ли ты съесть одну креветку, чтобы я смогла увидеть, как Виктория Сан Гильермо кушает? А потом поговорим.

Они обе рассмеялись. Между ними снова стало понемногу возрождаться доверие. Но Виктории надо было еще сделать кучу дел после обеда. Ее распорядок дня был расписан с точностью до минуты. Стоя перед ними, пока Вики по настоянию Порсии согласилась скушать ложечку карамели в шоколаде, ее секретарша поглядывала то на часы, то на Викторию с натянутой улыбкой на губах.

— А это кто? Семафор? — прыснула Порсия.

— Представляю тебе Люси, мою секретаршу, мою правую руку, мое левое полушарие мозга. Люси, это — Порсия, я полагаю, вы ее знаете...

— Разумеется. Очень приятно, мадемуазель. Примите мои поздравления по поводу ребенка.

— Да она умеет разговаривать! И говорить приятные вещи! — усмехнулась Порсия.

— Ладно, моя дорогая, оставляю тебя наедине с десертом. Я должна встретиться с министром культуры.

— Мумм, ступай! — попыталась выговорить Порсия с полным ртом.

— Целую тебя, не надо вставать. И звони мне чаще. В любом случае сообщи о рождении дочки.

— Постой, дай-ка мне номер своего мобильного, у меня его нет! Мне сегодня в полдень пришлось дозваниваться до тебя через пресс-атташе, представляешь!

— Зато сама видишь, что так все получается очень четко. Джоан в этом смысле просто сокровище, она передает мне все послания. Извини, но время поджимает. Чао! И пожалуйста, пожалей свои весы! — крикнула ей Вики, выходя из ресторана.

* * *

Прием должен был проходить в зале для почетных гостей министерства. Виктория заехала в отель, чтобы надеть брючный костюм с белой мужской рубашкой, чья гладкая и нежная материя очень ей нравилась. Костюм был очень элегантным, она носила его с черными туфлями на таких высоких каблуках, что с трудом верилось, что она могла на них удерживать равновесие. Ее украшения из золота и бриллиантов сверкали на шее, в ушах и на указательных пальцах с накрашенными ногтями. Волосы, уложенные ее парижским парикмахером, были уложены ровно щипцами, глаза были настолько угольно-черными, что ее художник по гриму, как она называла свою гримершу, не сочла необходимым использовать броскую губную помаду. Виктория была готова принимать знаки уважения, терпеть вспышки фотоаппаратов и блефовать. Она приготовилась играть свою роль: главную роль ее жизни.

Портье открыл дверь, и ее принял руководитель кабинета, который представил ее затем самому министру, явно польщенному тем, что принимает жену великого игрока. Несколько специально отобранных фотографов получили разрешение присутствовать на коктейле, чтобы сделать официальные снимки Виктории Сан Гильермо. Они с радостью воспользовались этим, в то время как Виктория начала скучать. С бокалом шампанского в руке она старалась подавить скуку, слушая печальный разговор министра. Виктория спрашивала себя, что она здесь делает. Когда Джоан рассказала ей об этом приглашении, она вначале подумала, что речь шла о министре спорта и что ей надо будет сопровождать Жюстена на какую-то церемонию в честь футбола. Затем Джоан объяснила ей, что министр пожелал увидеться именно с ней и именно в министерстве культуры, чтобы почтить ее. «В честь чего?» — спросила Вики. Джоан сказала странную вещь: в честь того, что она была известной певицей. Неужели завершение певческой карьеры по причине выхода замуж за футболиста было успехом? Вообще-то в глубине души Виктории было наплевать на то, что стало причиной этого приглашения. Она была польщена и не имела ничего против того, чтобы ее снимали на фоне знамен Республики. Это было довольно серьезным шагом, в кои-то веки!

Но теперь она сильно заскучала и стала искать удобный момент для того, чтобы незаметно уйти. Но как можно было тактично скрыться спустя час после прибытия, когда именно она была героиней дня? Она увидела своего пресс-секретаря: та заливалась радостным смехом, разговаривая с одним из гостей. Повернувшись к министру, продолжавшему свой неинтересный монолог, она спокойно, но твер-

до оборвала его: «Извините!», а затем отошла от него. Господин министр в растерянности вопросительно посмотрел на своего руководителя кабинета. Тот поднял руки в знак того, что не понял этого поступка.

Вики направилась к Джоан, раздавая улыбки гостям. Когда она остановилась рядом, Джоан тут же прервала свой разговор.

— Я хочу уйти, — сказала Вики.

— Но это невозможно, мы только что приехали! — ответила пресс-атташе.

— Невозможно? Ваша работа состоит в том, чтобы это стало возможно, — холодно ответила Вики.

— Очень хорошо, сейчас я переговорю с министром, — заявила Джоан.

Спустя десять минут они уже ехали к известному дворцу на Вандомской площади. Их по-прежнему сопровождали на мотоциклах фотографы. Вики хотелось только одного: залезть под одеяло и позвонить Мэнди. Однако у нее была еще встреча у Картье, где она хотела посмотреть новые украшения: Жюстен хотел подарить ей что-нибудь на годовщину их свадьбы. Семь лет, как говорят, решающий срок в любой истории любви. Бриллианты вечны, а что-то будет с их браком! Потом она должна будет вернуться в свои апартаменты, где ее уже ждут парикмахер, гримерша и костюмерша. Поскольку спустя несколько часов ее ждали в одной из студий самого влиятельного телеканала Европы. Руководитель канала «Премиум» пригласил ее на свою престижную вечеринку, и она уже решила произвести там сенсацию.

Пока машина следовала по улице Риволи, Джоан просматривала международную прессу, в частности те дешевые газетенки, любимой жертвой которых

была Виктория. Одни статьи она читала до конца, о других предпочитала умалчивать. Необоснованные слухи, ложная информация, явный перебор: прежде чем найти в этих газетенках что-нибудь стоящее, надо было в них хорошенько покопаться.

— Расскажи мне и о самых худших публикациях, — попросила Вики.

— Не думаю, чтобы в этом была необходимость, — ответила та, не отводя глаз от лежавшей на коленях газеты.

— С каких пор я плачу тебе за то, чтобы ты думала? — взорвалась Вики. — Я хочу, чтобы ты рассказала мне, что эти падальщики пишут обо мне на самом деле, а не только сладкие сказки!

Джоан была задета за живое и поэтому вытаскивала из стопки газету с самой неприятной статьей. В ней снова шла речь о многочисленных пластических операциях на лице, сделанных женой футболиста и приведших к тому, что, как утверждал журналист, муж, проснувшись утром, не узнал Викторию.

— Это полное отсутствие воображения! Я такое читала уже сотню раз! Неужели ты думаешь, что читатели настолько ограничены, что соглашаются постоянно читать об одном и том же? — воскликнула икона стиля, не отрывая взгляда от черно-белых снимков, на которых она, высокомерная и чопорная, была запечатлена на одной из улиц Лондона.

— Это потому, что вас сняли рядом с клиникой Бродери. И этот факт дал им повод для того, чтобы снова вернуться к старым сплетням о пластической хирургии.

— Но ведь я в Лондоне ничего этого не делала, я только пришла навестить леди Пинкли, которая,

кстати, переделала свою улыбку! Если бы журналисты были сильнее заинтересованы в открытии истины и поменьше заботились бы о тиражах своих газетенок, они могли бы внимательнее посмотреть на эти снимки: я ни на йоту не изменилась в течение целого года! А я-то думала, что они внимательно меня изучают...

— Так они и делают, когда их это устраивает.

— А разве ты не можешь сделать заявление в прессе, чтобы они прекратили распространять сплетни по поводу моей надуманной страсти к пластическим операциям?

— Невозможно опровергнуть то, что основывается на правде.

— Что это значит?

— То, что вы все-таки сделали несколько косметических операций, подтверждает их сплетни. Сообщение для прессы сейчас только еще больше вызовет их любопытство.

— Но у меня теперь нет ни минуты покоя!

— А вот и музей д'Орсэ! — внезапно очнулась Люси.

— Да успокойтесь, — с упреком сказала ей Виктория, — это всего лишь музей, что вы так волнуетесь?

— Там у меня было первое любовное свидание...

— И вы поцеловали парня впервые между двумя произведениями искусства? Да где вы воспитывались? Надо знать, что для этого есть ночные клубы! Вы что, не гуляли по ним, когда были молоденькой девочкой?

— Я предпочитала ходить по музеям, это была моя маленькая тайна.

— Какой ужас! Но тогда вам должно быть скучно ходить со мной по бутикам, не так ли?

— Те бутики, что вы посещаете, тоже напоминают музеи, разве нет?

У Виктории не было времени подумать над этим, поскольку шофер уже распахнул дверцу и ждал, когда она соизволит выйти из БМВ.

Поднявшись в свой номер в сопровождении помощниц, она вернулась мыслями к статье про ее косметические операции, поскольку статья ее немного задела. Это напомнило ей тот день, когда Жюстен в буквальном смысле слова поставил ее на место по этому поводу. Какой-то журналист из «Дейли» привел ее в бешенство, исказив ее слова и заявив, что она больше походила на инопланетянку, чем на земную женщину. Жюстен с нарастающим нетерпением выслушал ее жалобы относительно жестокого отношения к ней со стороны средств массовой информации. Футболист, более привычный к грубой холстине, чем к кружевам, внезапно прервал ее жалобы: «А может, хватит обманывать их? Да, ты стала другой, но что с того: скальпель хорошо поработал, не так ли?» Он едва успел убрать голову с траектории полета вазы, представлявшей имитацию эпохи династии Мин, которую взбешенная Вики запустила в него опытной рукой. Тогда он дал задний ход, и после этого ни он, ни она никогда больше на эту тему не разговаривали. И все-таки Виктория стала все чаще тщательно смотреть на себя в зеркало, задаваясь вопросом, все ли у нее в порядке с лицом. Но поскольку никто не осмеливался высказать ей то, что думал по этому поводу, она продолжала оставаться в неведении.

Джоан заметила, что у хозяйки внезапно опустились уголки рта, что не предвещало ничего хорошего. Она попыталась уйти, но Вики опередила ее, приказав сверить свою записную книжку деловых

встреч. Войдя в свои апартаменты, Виктория сбросила туфли и принялась растирать ступни.

— К «*Картье*» я не пойду, скажите им, что выберу то, что нужно, по каталогу. И к стилисту из «*Нью-веа*» тоже не пойду: мне надо отдохнуть до вечера. А теперь скажите, чтобы мне принесли таблетку аспирина и чашку чая «*Дарджилинг*».

Говоря это, Виктория оттеснила Люси и Джоан к выходу и захлопнула за ними дверь. Они не обиделись, напротив, вздохнули с облегчением. Если повезет, они тоже смогут пару часов отдохнуть.

Виктория присела на огромную кровать и взяла со стоявшего рядом круглого столика меню блюд, которые подавались в номера. Она почти ничего не съела в «*Крийоне*» во время обеда с Порсией и теперь чувствовала, что ее начинало подташнивать. Она хорошо знала причину этого: ее желудок регулярно страдал, но со временем она научилась не позволять ему ее мучить. Она заказала свекольный салат, жареное мясо без соуса, белый сыр, минеральную воду без газа, Виктория жила в королевстве «без», и это относилось не только к пище. Она жила без единой морщинки, без единой жировой складки, без любовника. Но она состояла из плоти и из чувств. Она решила побыть голой еще некоторое время, но передумала, опасаясь, что какой-нибудь папарацци мог подкупить консьержа отеля для того, чтобы получить редкий вид на окно ее номера. Она убедилась в том, что никто не прятался на террасе, и задернула все шторы. Потом проверила все шкафы и укромные места своих апартаментов. Когда она заканчивала проверку, в дверь постучались. Это доставили ее скудную пищу. Даже несмотря на то, что в ней было мало калорий, она предпочла лишь поклевать немного с каждой тарел-

ки, не доедая блюдо полностью. Белые простыни кровати распахнули перед ней свои объятия, она легла, не сняв свой белый пеньюар, и вскоре уснула.

* * *

В апартаментах 422 царил неопиcуемый шум. Все находившиеся там люди задавали вопросы, требовали ответа на них, звонили, сновали взад и вперед. Виктория, стоя посредине комнаты в платье из тафты сливового цвета, которое подкалывала булавками копошившаяся у ее подола костюмерша от «Шанель», в отчаянии хмурила брови. Люси, почувствовав опасность нервного срыва, громко произнесла:

— Тише, пожалуйста! Нельзя ли говорить на тон пониже? Мне кажется, что мадам Сан Гильермо сейчас требуется тишина.

Уровень шума мгновенно уменьшился, и Вики сразу же почувствовала себя лучше. Она проспала целых два часа и проснулась от настойчивого стука в дверь. В полусонном состоянии она дошла до двери, за которыми стояли телохранители. Люси пришла сказать, что ее ждала прислуга. Парикмахер, косметичка, костюмерша были готовы работать, чтобы привести ее в порядок для участия в вечере Филиппа Серра. Ворчливым голосом она велела Люси наполнить ванну и с наслаждением погрузилась в горячую воду. Она слышала голоса, доносившиеся из маленького салона, отрывки разговора. Закрыв глаза, одна, голая в ароматизированной воде, она заряжала свои аккумуляторы. Ей ничуть не хотелось отдавать себя в распоряжение всех этих людей,

единственной целью которых было удовлетворять ее желания, но все же ей пришлось выйти из воды: ее поездка в Париж была организована вокруг этого вечернего коктейля, и она помнила о том, что собиралась произвести на нем сенсацию.

Надев сшитое на заказ платье, Вики разрешила сделать последние штрихи для подчеркивания своей красоты: парикмахер тщательно расчесал ее постриженные каре волосы и слегка закрепил их лаком. Косметичка снова нанесла немного пудры на ее лицо и на декольте, и все отошли на несколько шагов, чтобы полюбоваться шедевром. Виктория была похожа на одну из восковых фигур из музея Гревен.

— Полагаю, что все в порядке, я вовсе не собираюсь казаться произведением искусства! — произнесла она с вздохом и медленно подошла к столику на фигурных ножках, где лежал ее личный мобильный телефон. Взяв его, она набрала номер Жюстена. Пока в их мадридской вилле раздавался звонок вызова, Люси выпроводила всех из апартаментов и шепнула Вики, указывая пальцем на циферблат своих часов:

— Машина будет внизу через десять минут...

Виктория кивнула и прошла в спальню. Жюстен трубку не брал.

— Жаль, что ты переключил телефон на автоответчик! Я хотела сказать тебе пару слов прежде, чем поеду на вечер: я подписала контракт с обувной фирмой «Страшуз» и приняла приглашение поехать на новогодние праздники на Мальдивы. Надеюсь, у тебя ничего на это время не запланировано, в противном случае мы это обсудим дополнительно. А теперь я свой мобильный телефон отключаю, но если появятся проблемы, звони Джоан или Люси. Хорошего вечера, и будь умником!

Сказав это, она посмотрела в окно и полминуты любовалась Парижем. Потом посмотрелась в зеркало и удостоверилась, до чего она была хороша в этом платье. Может быть, бедра вырисовывались слишком плотными? Надо будет подумать, как поскорее убрать протеины, поговорить с диетологом. За такие моменты, когда все взгляды прикованы к ней, Виктория готова была душу продать. Впрочем, она это уже сделала. Сегодняшняя Вики не имеет больше ничего общего со вчерашней женщиной. Она рассталась со своими прежними ценностями и сделала все, чтобы стать иконой, самой фотографируемой на планете. Возможно, Вики стала лишь тенью самой себя, но тенью сверкающей.

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАНУНЕ ВЕЧЕРИНКИ

24 часа из жизни знаменитостей 7

Виктория Сан Гильермо, жена футболиста	9
Анни Дюмель, руководительница службы косметики журнала «Стар Сити»	42
Эрика Лем, соблазнительница звезд	68
Кристоф Миллер, любимый телеведущий домохозяек	99
Эрик Леруа, стилист моды	126
Марта Петерсон, агент звезд	155
Элен Манвиль, телеведущая детских программ	185
Клара Лансон, всемирно известная звезда варьете	206
Софи Ракен, ведущая 20-часовой новостной программы	223
Эрве Ролле, продюсер телепередач, Марко Гез, специалист по рекламе, Женнифер Лебрэн, топ-модель	252

Филипп Серра, президент — генеральный директор крупнейшего телеканала Европы, и Марк Террьен, его директор программ	268
---	-----

ВЕЧЕРИНКА МОЖЕТ НАЧИНАТЬСЯ...

<i>Маленькие апартаменты на двадцать первом этаже</i>	291
Глава первая	293
Глава вторая	300
Глава третья	309
Глава четвертая	314
Глава пятая	319
Глава шестая	322
Глава седьмая	327
Глава восьмая	330
Глава девятая	337
Глава десятая	340
Глава одиннадцатая	344
Глава двенадцатая	351
Глава тринадцатая	361
Глава четырнадцатая	363
Глава пятнадцатая	368
Глава шестнадцатая	376
<i>Эпилог</i>	394

Литературно-художественное издание
Серия «Реалити-роман»

ДОМЕН ВАЛЕРИ

КРУТАЯ ТУСОВКА

Роман

Перевод с французского В. В. Егорова

Литературный редактор *Т. Н. Ледина*

Художественное оформление: *А. Б. Архутик*

Корректоры *В. А. Нэй, О. В. Круподер*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.06.2012г.

Формат 80×100/32. Гарнитура «OctavaС».

Печ. л. 12,5. Тираж 3000 экз.

Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»

115477, Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru